

30 НОЯБРЯ 1986 ГОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ БЫЛ ПОДПИСАН АКТ ПРИЕМА ОБЪЕКТА «УКРЫТИЕ» НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС. В СВЯЗИ С ЭТОЙ ДАТОЙ НА ЧАЭС И В Г. СЛАВУТИЧЕ С 29 НОЯБРЯ ПО 1 ДЕКАБРЯ СОСТОИТСЯ ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

● ОБЪЕКТ «УКРЫТИЕ»: 9 ЛЕТ СПУСТЯ

В. И. Купный:

**„ ЭТО БЫЛА
СВЕТЛАЯ РАБОТА...“**

Заместитель генерального директора ПО «Чернобыльская АЭС» по объекту «Укрытие» В. И. КУПНЫЙ родом с Кировоградщины. Вырос на Урале. Закончил Киевский политехнический институт. Работал главным инженером на Белоярской АЭС. За успехи, достигнутые при сооружении экергоблока на быстрых нейтронах, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Лауреат Государственной премии СССР. Работал также директором Запорожской АЭС, занимал руководящую должность на комбинате «Маяк» в Челябинске. В НПО «Припять» был заместителем главного инженера по новой технике, позже — первым заместителем начальника Администрации зоны отчуждения. С февраля 1995 года назначен заместителем генерального директора ПО «Чернобыльская АЭС» по объекту «Укрытие».

[Окончание на 3 стр.]

— Валентин Ипполитович, главное условие нашей беседы — предельная четкость вопросов и полная открытость ответов. Вы согласны дать такое интервью «Віснику Чернобиля»?

— Да, согласен...

— В чем заключалась суть вашей работы на должности заместителя главного инженера по новой технике НПО «Припять»? Каков итог этого отрезка жизни? Ваше философское осмысление атомной катастрофы на Чернобыльской АЭС и той огромной территории Украины, которая имеет название Чернобыльская зона?

— До начала работы в НПО «Припять» я был энергетиком и, естественно, занимался только выработкой электроэнергии. Но в должности заместителя главного инженера по новой технике мне впервые пришлось заниматься проблемами переработки и захоронения радиоактивных отходов, дезактивацией металла. Для меня это был новый интересный кусок работы. Был разработан проект специализированного предприятия «Вектор», выбрана площадка для его строительства. Но, к сожалению, после развала Союза прекратилось финансирование — и осуществление проекта пока заморожено.

Что касается аварии на Чернобыльской АЭС, то катастрофа подобного масштаба должна была произойти именно в Советском Союзе. Ведь в этой стране всегда был огромный разрыв между тем, что нужно показать (все в розовых тонах, как потемкинские деревни), и что сделано на самом деле. А ведь технику не обманешь. Любые исследования — они сами по себе, а техника — сама по себе. На мой взгляд, причина атомной катастрофы кроется еще и в том, что в 70-х годах наша тяжелая промышленность не была готова к созданию атомной энергетики с помощью реакторов ВВР, которые используются во всем мире. Вместо их начали строить и запускать реакторы типа РБМК, которые теперь не выпускаются ни в России, ни в других бывших республиках Союза. Это было роковой ошибкой...

Теперь о Чернобыльской зоне. К сожалению, эта радиоактивная зона, как и египетские пирамиды, останется на многие и многие века. Наши далекие потомки забудут и нас, и наш общественно-политический строй, а радиоактивная зона будет существовать — и человек на этой территории очень долго не сможет жить нормально. Полуразлад плутония — 24 тысячи лет...

— Для вас предложение возглавить коллектив объекта «Укрытие» было неожиданностью?

— Нет. Я ведь и раньше дважды имел попытки перейти работать на «Укрытие», но моя кандидатура тогда почему-то не прошла.

— Интересно, что влекло вас на этот ядерно опасный объект?

— Его новизна и непознанность. Ведь с чисто технической точки зрения «Укрытие» — это совершенно необычный объект. В работе на нем нет стереотипов, инструкций и нормативов. В нем нет работы по прочитанному. Это очень интересная, сложная и необычная работа в чисто техническом плане. И чтобы с ней справиться — надо иметь голову... Это с одной стороны. А с другой — объект «Укрытие» действительно представляет собой опасность, точнее угрозу для людей, — и в 30-километровой зоне, и за ее пределами. Ведь это не склад и не хранилище, а хаотическое нагромождение радиоактивных материалов и ядерного топлива. Все это не разложено на стеллажах и полочках.

— Валентин Ипполитович, а какие качества необходимы тем специалистам и рабочим, которые работают в «саркофаге»?

— Прежде всего — незашеренность. То есть специалист, опираясь на свои предыдущие знания, должен быть способен решать нестандартные задачи. Для этого он и мыслить должен неординарно. Это самое главное. А цель у нас одна: преобразовать так называемый «саркофаг» в подконтрольный объект, чтобы ни в обычных, ни при различных экстремальных воздействиях (землетрясения, смерчи и т. д.) не допустить разрушения конструкции и распространения радиоактивности за его пределы. К этой цели можно двигаться разными путями, учитывая уровни техники и экономики. На многие вопросы ответов мы не вычитаем нигде, и второе. Перед принятием ответственных решений должен отсутствовать страх. И у инженера, и у сварщика. Недавно в «Віснику Чернобиля» был напечатан ваш репортаж о том, как

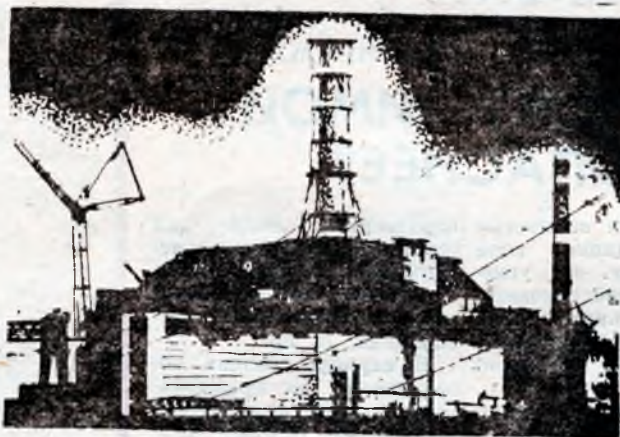
проводится герметизация кровли объекта «Укрытие». Вы очень точно подметили, что к этой работе специалисты готовятся на земле, как альпинисты перед штурмом незнакомой вершины. Боязнь принимать решения у наших работников исключена, как черта характера. Но каждое решение обязательно готовится, аргументируется и обеспечивается его выполнением. Это главное условие нашей работы.

— Сколько человек работают на объекте «Укрытие» и какие возрастные ограничения?

— По штатному расписанию у нас 750 человек. Но на сегодня фактически 727 специалистов. Непосредственно на «Укрытии» ежедневно работают около 230 человек. Плюс подрядчики. У нас в основном трудятся люди среднего возраста — от 30 до 50 лет. Допуск каждый получает только после тщательного медицинского обследования и положительного решения врачей. Законом

В. И. Купный:

„ ЭТО
БЫЛА
СВЕТЛАЯ
РАБОТА... “

запрещено принимать на работу в зону ионизирующего излучения лиц старше 18 лет. Для пенсионеров ограничений нет, но работать на объекте «Укрытие» они не хотят.

— Что движет людьми, которые идут работать на объект «Укрытие»?

— Об этом может сказать только каждый сам за себя. Как в той притче о трех человеках, которые тянут три тяжелых тачки с камнями. На вопрос, что они делают, первый ответил: «Да вот камни таскаю. Надоело уже...» Второй: «Деньги зарабатываю. Семью надо кормить». А третий объяснил: «Вожу камни, чтобы храм построить». Оно ведь и в жизни так. Подавляющее большинство людей в мире — это те, кто зарабатывает себе на хлеб. Чуть поменьше десяти процентов — это разного рода разгильдяи и преступники, которые существуют везде, независимо от общественного строя. И где-то еще десять процентов — так называемые трудолюбивые. Эти люди работают ради работы. Они фанаты своих идей. Думаю, что среди работающих на «Укрытии» тоже есть люди с разной жизненной философией и понятиями. Но все они склонны к риску. Без этой особенности характера никто не переступит незримую черту. Ведь каждый идет работать к нам только добровольно.

— Валентин Ипполитович, вы атеист или верующий человек?

— Воинствующим атеистом я, к счастью, никогда не был. На счет существования Бога никогда серьезно не задумывался, хотя сам крещеный втайне от отца и матери.

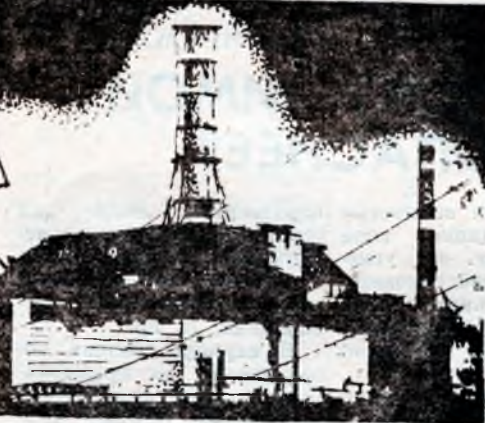
— Страх перед смертью у вас есть или нет?

— Вот этого нет. Это уж точно. Мысль о физической смерти меня не пугает. Я долгое время занимался альпинизмом и проверил себя на этот счет в разных и опасных ситуациях. Тревожат другие размышления: что я оставляю на земле после себя? Сейчас я могу сказать, что за моей спиной есть энергоблок с атомным реактором на быстрых нейтронах БН-600. Его создание на Белоярской АЭС я начинал с проектирования. Брал участие в строительстве. На этом действующем реакторе пять лет был главным инженером. И хотя этот реактор создавался как опытно-промышленный, но по итогам трех кварталов 95-го года он признан лучшим атомным энергоблоком России. Я искренне этим горжусь. Мне приятно, что меня до сих пор помнят на Белоярской АЭС. И заканчивая ответ на вопрос о теме страха перед смертью, мне очень хотелось бы, чтобы объект «Укрытие» перестал вызывать страх у людей. Он должен вызывать озабоченность, привлекать к себе внимание, но не должен никого пугать. Страх идет от незнания...

— Но ведь эту задачу надо решать

научными исследованиями и техническими средствами, а не с помощью ловкой пропаганды. Ведь как утверждает в романе «Дон Кихот» его автор Мигель де Сервантес, «истина иной раз источается, но никогда не рвется и всегда оказывается поверх лжи, как масло поверх воды».

— Я понял ваш вопрос. Но то, что уже сделано для укрепления безопасности «Укрытия», тоже надо показать и донести до людей. Поэтому я считаю составной частью работы встречи с любимыми журналистами — и пишущими, и фотографирующими. Кстати, на 1-ю Международную конференцию, посвященную 9-й годовщине окончания строительства объекта «Укрытие» (она будет проходить на ЧАЭС и в Славутиче с 29 ноября по 1 декабря), приглашены не только ученые, исследователи, конструкторы, проектировщики и строители, но и журналисты из разных газет, радио и телевидения. Интересная

деталь: впервые все журналисты побывают внутри объекта «Укрытие». Лучше, как говорится, один раз увидеть, чем сто раз услышать. Естественно, что журналисты побывают только в безопасных местах «саркофага». Ведь в некоторых помещениях «Укрытия» уровень радиации составляет до 1000 рентген в час, а температура кое-где достигает 100 градусов тепла...

— И снова вопрос личного плана. Как относится ваша жена к тому факту, что не только вы, но и ваш сын Александр работает на объекте «Укрытие»?

— Жена относится к этому с пониманием. Когда я начинал работать в атомной промышленности, то она боялась за меня. Но за 32 года я, к счастью, серьезно не болел, и она убедилась, что на здоровый организм умеренные дозы радиации не оказывают заметного влияния. Хотел бы сделать одно уточнение: мой сын пришел работать на «Укрытие» раньше, чем я. Он самостоятельно принимал это решение. А две моих дочери живут на Урале, они видели «саркофаг» только по телевизору.

— Рискну задать вам вопрос, на который можно ответить целыми днями: какие главные проблемы сейчас с объектом «Укрытие» и какие кардинальные пути их решения?

— Ответу очень кратко. Первое, это определение состояния строительных конструкций «Укрытия» и их укрепление. На сегодняшний день нет оснований утверждать, что объект «Укрытие» разрушится в ближайшее время. Но нет и таких объективных данных, которые подтверждают, что «саркофаг» простоят 5—10 и больше лет.

Вторая проблема — это поиск остатков ядерного топлива. Как известно, на момент аварии в 4-м энергоблоке 26 апреля 1986 года находилось более 200 тонн ядерного топлива: в реакторе, в узле развески и в бассейне выдержки. После тщательных поисков у нас не сходится баланс по этому топливу примерно на 40 тонн. Где оно, в каком состоянии? Ну а кардинальные пути решения проблем «Укрытия», то это, на мой взгляд, подготовка документа по стратегии стабилизации объекта «Укрытие» и утверждение его на уровне правительства Украины. Мы работаем сейчас в этом направлении.

— А какая ситуация со строительством «Укрытия-2»?

— Международная фирма «Альянс» выполнила проект сооружения «Укрытие-2», но решение этой исключительно важной проблемы упирается в деньги: где взять на строительство 1 миллиард долларов? Без помощи стран «большой семерки» нам не обойтись, ведь на ликвидацию последствий аварии тратятся ежегодно огромные суммы денег.

— Назовите, пожалуйста, официальные цифры.

— На весь 1995 год Минчернобыль финансировал нам для всех работ на объекте «Укрытие» 1,5 триллиона карбованцев. (Это примерно 10 миллионов долларов). Для сравнения скажу, что это всего лишь 20 процентов от всей суммы, которая выделяется из Фонда ликвидации последствий аварии для 30-километровой зоны отчуждения. А всего только за 8 месяцев нынешнего года на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС (строительство новых домов для переселенцев, выплаты компенсаций, льгот и т. д.) в Украине израсходовано 53,2 триллиона карбованцев. Так что из этой суммы на «Укрытие» тратится очень маленькая часть денег. Замечу, что на ликвидацию последствий аварии Украина не получает ни одной копейки от зарубежных стран. Нет финансовой поддержки и от России. Есть только обещания.

— Валентин Ипполитович, недавно я видел, как жена погибшего оператора Чернобыльской АЭС Валерия Ходемчука возлагала цветы к мемориальной доске, прикрепленной к стене бывшего 4-го энергоблока. Как вы считаете, могут ли исследователи «саркофага» найти со временем в нем прах Валерия Ходемчука?

— Теоретически исключить этого нельзя. Но такой вероятности очень и очень мало. Я тщательно анализировал ситуацию с Валерием Ходемчуком и вместе с другими работниками АЭС, которые искали его сразу после взрыва реактора, пришел к выводу, что тело Валерия Ходемчука находится в тех завалах, которые забетонировали во время сооружения «Укрытия». Вполне вероятно, что прах оператора будет обнаружен во время полной разборки «саркофага», но об этом никто из нас уже не узнает. Ведь тогда на земле будет жить другое поколение людей...

— И еще один вопрос. Чем дальше уходит от нас дата аварии на ЧАЭС, тем больше различных версий о ее причинах: особое вида землетрясение, НЛО, аномальное явление в Космосе и т. д. А известный исследователь «саркофага» Константин Черев в интервью газете «Труд» в номере за 26 апреля с. г. утверждает, что взрыв реактора произошел вследствие диверсии. Ваше мнение на этот счет?

— Я убежден, что авария на ЧАЭС 26 апреля 1986 года произошла по трем причинам. Первое — несовершенство конструкции реактора РБМК. Второе — руководству ЧАЭС нельзя было принимать и проводить сомнительную программу эксперимента на реакторе, от которой отказались другие АЭС. И третья причина — это нарушение технического регламента, а также ошибка дежурного персонала во время проведения программы испытания и аварийной ситуации. Других причин катастрофы, на мой взгляд, нет.

— Валентин Ипполитович, о вас многие отзываются, как об очень уравновешенном и корректном человеке. Хотелось бы знать, как вы поддерживаете душевное равновесие и какие качества больше всего цените в людях?

— Насчет корректности и уравновешенности скажу, что в последнее время я что-то начал срывать. Возраст, наверное, сказывается... Душевные и физические силы каким-то специальным образом не восстанавливаются. Если накапливается сильная усталость, то просто отсыпаюсь. А в людях больше всего ценю честность, знание дела, профессионализм. Каждый из нас должен отвечать своему месту.

— Что такое, на ваш взгляд, начало и завершение строительства «саркофага» над взорвавшимся чернобыльским энергоблоком?

— В человеческом плане это была светлая работа. Это был героизм многих людей в чистой монете. Но, к сожалению, этих людей государство быстро начало забывать. С точки зрения конструктивного решения строительства «Укрытия» — то это достаточно разумный проект, который был реализован в жестких условиях сильной радиации и дефиците времени. Без «Укрытия» не было бы места для жизни людей на всей территории Украины. Об этом надо помнить.

— И последний вопрос. Вы не жалеете, что согласились стать, образно говоря, директором «саркофага»?

— Нет, не жалею. Как и другие, я тоже пришел сюда добровольно, чтобы найти ключи ко многим загадкам и вопросам, на которые не найдешь ответов ни в учебниках, ни в правилах.

Интервью вел

Николай ХРИЕНКО, специальный корреспондент «Корунку» по связям со средствами массовой информации ПО «Чернобыльская АЭС».